

Евгений Замятин

Сказки

ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН

Сказки

«Public Domain»

1914-1920

Замятин Е. И.

Сказки / Е. И. Замятин — «Public Domain», 1914-1920

В сборник вошли произведения: Сказки 1914–1917 • Бог • Петр Петрович • Дьячок • Ангел Дормидон • Электричество • Картинки • Дрянь-мальчишка • Херувимы Большим детям сказки 1917–1920 • Иваны • Хряпало • Арапы • Халдей • Церковь божия • Бяка и Кака • Четверг • Огненное А • Первая сказка про Фиту • Вторая сказка про Фиту • Третья сказка про Фиту • Последняя сказка про Фиту

© Замятин Е. И., 1914-1920

© Public Domain, 1914-1920

Содержание

Сказки	5
Бог	5
Петр Петрович	7
Дьячок	8
Ангел Дормидон	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Сказки 1914–1917

Бог

Было это царство богатое и древнее, славилось плодородностью женского пола и доблестью мужеского. А помещалось царство в запечье у почтальона Мизюмина. И был такой таракан Сенька – смутьян и оторвяжник первейший во всем тараканьем царстве. Тараканихам от Сеньки – проходу нет; на стариков ему начихать; а в бога – не верит, говорит – нету.

– Да как же нету, бесстыжие твои глаза? Ты при свете вылезь да зеньки разинь. А то, ишь ты: не-ету...

– А что ж, вылезу, – хорохорился Сенька.

И вылез однажды. Вылез – и ахнул: бог-то ведь есть и правда! Вот он, вот: грозный, нестерпимо-огромный, в розовой ситцевой рубашке, бог...

А бог, почтальон Мизюмин, чулок вязал: любил он этим рукоеслом заниматься в сверхурочное время. Увидал Сеньку Мизюмин – обрадовался:

– А-а, друг сердечный, таракан запечный, откуда ты, здравствуй!

Почтальону Мизюмину нынче выговориться обязательно надо, а больше, как с Сенькою, не с кем.

– Ну, брат Сенька, женюсь я. Невеста – первый сорт. Пойми ты, тараканья твоя душа: девица – из благородных, и приданого полтора ста рублей! Ох и заживем мы с тобой! Заживем, Сенька? А?

А Сенька от умиления глаза как вылупил – так и остался: все слова позабыл.

У Мизюмина свадьба – на красную горку, и заказала ему благородная невеста, чтоб до свадьбы обязательно купил себе новые калоши. А то чистый срам: уж который год носит Мизюмин отцовские кожаные скробыхалы номер четырнадцатый. И как только Мизюмин на улицу – сейчас же за ним мальчишки:

– Э! Э! Скробыхалы! Скробыхалы! Держи! Скробыхалы!

Навязал Мизюмин чулок – и на Трубную пошел: чулки продать – новые калоши купить. Подвернулись Мизюмину щеглы в клетке: не щеглы – загляденье.

– Сем-ка я лучше щеглят куплю? Калоши-то еще крепкие...

Купил клетку, поднес невесте в презент:

– Вот чулки вязал – продал, щеглят вам купил. Не побрезгуйте уж: от чистого сердца.

– Ка-ак? Чулки? И опять в скробыхалах? Ну, не-ет, терпенья моего больше нету. Подумать только: за чулочника замуж! Не-ет, нет, и никаких разговоров!

Прогнала Мизюмина с глаз долой. Надрызгался в трак-тире Мизюмин, вернулся домой пьян-пьянехонек, за стены держится...

А на стене – ждал бога таракан Сенька: умиленно слушать, как всякий вечер, что скажет бог.

Горькими слезами хлюпал, шарил рукой по стене почтальон Мизюмин. И ненароком как-то задел пальцем Сеньку, полетел Сенька торчмя головой в тартарары в бездонное.

Очнулся: на спине лежит. Берега – гладкие, скользкие; глубь страшная. Еле-еле, далеко гдей-то потолок виден...

И взмолился Сенька своему богу:

– Вызволи, помоги, помилуй!

Нет, глубь такая – и богу, должно быть, не достать, так тут и сгинешь.

...Горькими слезами хлюпал почтальон Мизюмин, подолом розовой рубашки утирал нос.
– Сенька, Сенюшка, один ты у меня остался... И где же ты... И куда ж я тебя, милый ты мо-ой...

Нашел Сеньку Мизюмин в своем скробыхале. Пальцем выковырнул Сеньку из бездны – скробыхала номер четырнадцатый – и на стену посадил: ползи. Но Сенька даже и ползти не может, прямо очумел: до чего нестерпимо велик бог, до чего милосерд, до чего могуществен!

А бог, почтальон Мизюмин, хлюпал и подолом розовой рубашки утирал нос.

1915

Петр Петрович

Умнее Петра Петровича в целом свете нету: и все думает, и все думает, сопли распустит – и думает.

А сопли у Петра Петровича – лиловые, а происхождения Петр Петрович индейского. А жена у Петра Петровича – клюшка Аннушка, рябенькая: другой месяц женаты.

И как вылупились из земли слепые еще головенки первых трав – занасестилась Аннушка. Причесываться перестала, расшершавилась – ходит и квохчет и охает, а Петр Петрович на одной ноге стоит и думает, думает: вот – яйца, с рыженькими веснушками; а не нынче-завтра из них индюшата выйдут, желтые, как одуванчик, пуховые, как одуванчик.

– Ну до чего интересно!

А рябенькая Аннушка – свое бабье дело делает: в кошелке на яйцах сидит. Неделя, другая. Извелась Аннушка, не пьет – не ест, с места не сходит.

Петру Петровичу не терпится.

– Ну, как там у тебя?

Краснеет Аннушка:

– Да теперь уж, поди, как следует. Только еще пушком не обросли. Еще недельку бы надо.

– Ну-у: неделю! Так и не дождешься. Экие вы, бабы!

Умнее Петра Петровича в целом свете нету, и все думает, и все думает: на одну ногу станет – и думает.

И решил Петр Петрович: бабы – известно, рохли, копухи, чего на них глядеть, надо по-нашему, по-индейпетушинуму.

Пришел к Аннушке – один глаз прищурен: хитрый – беда!

– Поди-кось попей, Аннушка. В лоханке – вода свежая, а я без тебя за яйцами пригляжу.

Ушла Аннушка пить, а Петр Петрович – в кошелку: кок – одно яйцо, кок – другое, кок – третье. Теплые индюшата, дышат, ей-богу! Обрадовался – вот как, и ну их из скорлупы тянуть.

Вытянул – а они страшные, голые, хлипкие, и самое, где задик, с отонком яичным срослись жилами, кровью. Отдирать стал – кишки тянутся, назад совать в скорлупу – назад не входят.

Отскочил Петр Петрович, побледнели сопли – и глядит, клюв разиня: яйца разбитые, и свесились через край желтенькие головки на нестерпимо-длинных, тоненьких шеях. И уж еле дышат.

Захлопал крыльями Петр Петрович – и скорей через забор, пока Аннушка не увидела. Бабы – они ведь какие: беда с ними!

1916

Дьячок

Слыхано ли, чтоб кто-нибудь по выигрышному билету выигрывал, да не по газете, а за правду, так, чтоб и деньги выдали? А вот выиграл же кураповский дьячок, Роман Яковлич Носик, и вчерашнего числа получил в казначействе пять тысяч. Теперь – чисто царь: все может.

Роман Яковлич Носик – сложения деликатного, и мысли у него – деликатные, возвышенные: насчет облаков, стихов господина Лермонтова. А в кураповской церкви – милее всего дьячку Моисей на горе Синайской, в облаках алых, золотых и лилейных.

Всю ночь дьячок ворочался с боку на бок: что бы это такое ему теперь сделать? И то хорошо, и это не плохо, да надо что-нибудь такое повозвышенной. И никак не придумать.

Пошел утром в церковь, Моисею-пророку помолиться. Только увидал Роман Яковлич нестерпимую синь синайскую и на самой маковке из облаков нездешний град – сразу и осенило.

Прибежал к дьячихе:

– Ну, мать, собирайся! Нонче выезжаем.

– Да ты спятил, что ли? Куда тебя буревая несет?

А дьячок от волнения уж вовсе невнятен:

– Жа-жалаю, чтоб, значть, к-как Моисей... На горе Синайской... чтоб, значть, облака...

Ехали, ехали, текала, охала, пилила дьячка всю дорогу дьячиха. Приехали, стой: Кавказ называемый. Гора – две капли воды – Синайская, и зацепились за маковку неописанной красоты облака.

Только хотел дьячок на колени пасть – глядь, стоит телега парой, на грядущке – солдат кривой:

– Пожалте, Роман Яклич, я за вами.

– Чего такое? Кто послал? Куда?

– А на маковку, в облака в самые... – и такой у кривого солдата глаз пронзительный, так насквозь и низает. Жуть, а ехать все равно надо: сел Роман Яковлич с дьячихой на телегу – и покатили.

Сорок дней – сорок ночей на маковку ехать. Дьячиха – знай себе подзакусывает да чай с молоком пьет. А дьячок – будто к причастию, не пьет – не ест, исхудал, лицом посветлел. Уж будто видать и соборы синекупольные, и зубцы белые, и завтра Роман Яковлич, как Моисей, – в облаках...

Под сороковой день ночью на постоялом лошадей кормили.

– Ну, завтра – чуть свет приедем... – И показалось, кривой солдат подмигнул: – Время есть, – может, назад повернуть?

– Что ты, кривой, господи помилуй! На самый напоследок – да повернуть?

Закрылись веретьем да сверху армяком дьячковым, улеглись в телеге дьячок с дьячихой, погнал лошадей солдат. Дьячиха давно уж храпит, а дьячку – не до сна, сердце колотится, а нарочно глаза закрыл: потуда не откроет, покуда не осияет нестерпимая синь синайская, не запоют нездешние голоса...

И случился грех: уморился ждать, задремал дьячок, как и приехали, не учуял. Только слышит – гаркнул кривой солдат:

– Вставай, Роман Яклич, приехали!

Стал дьячок глаза разожмуривать, потихоньку-потихоньку, чтоб не ослепнуть. Раскрыл: мга, изморось, осень, слякоть...

– Ты чего ж, кривой, брешешь, чертов сын? При-е-хали! А облака-то где?

– А это самые облака и есть, друг ты мой Роман Яклич... – да как загогочет – и пропал, и нет никого: одна изморось, мга, туман.

1915

Ангел Дормидон

Был такой глупый ангел, по имени – Дормидон.

Все ангелы, известно – от дыхания божия: дохнёт господь – и ангел, дохнёт – еще ангел. А тут погода была плохая, чихнулось – и вылетел ангел от чоха, оттого и несуразный. Рыластый, глазами, это, все туды-сюды, туды-сюды, и на левой руке, на мизинце, кольцо с аметистом: ну под стать ли это ангелу-то? А как до дела – так ему чтоб сразу все, с бухты-баряхты, а потом и завалиться дрыхнуть. Так уж его терпели на небе, из милости больше.

И приставили глупого ангела Дормидона за мужиком ходить. А мужик – тоже хорош: пьяница забубенный.

Ходил, это, ходил Дормидон за своим мужиком по всем целовальникам – никак толку нет.

«Ну коли так, – думает, – ладно. До белой горячки тебя допою, а потом уж сразу и раскаю».

И мужику на ухо:

– Вали, брат, наяривай! Ну-ка, еще по одной!

И побежал мужик по деревне не в своем виде, без штанов, буянит – мочи нет, а в руках цеп: за своей же, мужиковой, тенью с цепом гоняется.

А Дормидон в воротах, за вереей, с мужиковым братом спрятался, и оба за животики держатся:

– Ха-ха-ха! Так ее, такую-сякую! Так ее, лови!

Добежал мужик, тень – нырь в ворота. Мужик за ней:

– А-а! Еще гогочешь, проклятая? Ну, посто-ой...

Да как ахнет цепом сплеча! Ангелу-то чего подеется, а мужиков брат – так и свалился, как колос: мертвый.

Полетел глупый ангел с донесением: так и так, происшествие. Взмылили ему голову, как надобно, а он стоит себе да перстень с аметистом вертит: как с гуся вода.

– Ну, Дормидон, – говорит бог, – теперь уж как хочешь, хоть двадцать годов ходи, а чтобы у меня в рай мужика этого предоставил.

– Фу-ты, господи: да неуж не предоставлю? Я-то? – и к мужику, на землю.

А день был базарный: пошли с мужиком доски покупать – мужикову брату на домовину, и веревки – домовину спускать.

Мужик тверезый, зленный – страсть! – Дормидона так и чешет:

– Во-от въелся, чисто репей в хвост собачий! Ты долго еще за мной будешь?

Дормидон – будто и не ему: знай, перстень вертит. А у самого в голове, как гвоздь:

«И как бы это одним махом от мужика оттильдикаться?»

Глядь – цыган мимо, свинью на аркане волокет: свинья визжит, упирается, веревка длинная, белая.

Увидел Дормидон цыгана с веревкой – как по лбу себя хлопнет: батюшки мои, вот же... И мужику на ухо:

– Покупай веревку-то, покупай. Веревка-то какая: нигде такой не найти.

Купил мужик. И только, это, вышли с Дормидоном на выгон – ну, который за базаром выгон, – Дормидон хватить цыганов аркан мужику на шею – и поволок.

Мужик – в голос:

– Батюшки! Ослобони, родимый! Брат неприбран лежит! Куда ты меня?

А Дормидону – потешно, ржет:

– Ну-ка еще! Ну-ка еще? Не-е-ет, не уйдешь! Так без пересадки в рай и приволоку.

Брыкался-брыкался мужик, а под конец – сел на землю колодой – и все: поди сковырни.

Почесался Дормидон, поплевал на руки – дюжий был – за аркан покрепче да как завьется с мужиком вверх. И ходу, все пуще, только ветер свистит. На мужика и не оглядывается: тяжело на аркане, стало быть, тут мужик, ну и ладно, а что утих – и того лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.